

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ 2019/20 гг.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ЛИТЕРАТУРА
9 КЛАСС

Инструкция по выполнению задания

Уважаемый школьник! Выполни два задания, предварительно внимательно прочитай их. Пиши ответы аккуратным, разборчивым почерком. Задания можно выполнять в любой последовательности, но не забывай указывать номер задания. Каждое задание выполняется на отдельной странице тетради. Максимальный балл – **90**. Время выполнения заданий – **5 астрономических часов**. Успехов!

Задание №1, аналитическое (70 баллов)

Выполните аналитическое задание, выбрав один из предложенных текстов (поэтический или прозаический).

Вариант 1. Выполните целостный анализ стихотворения **Николая Добролюбова «Когда, среди зимы холодной...»**. Обратите внимание на следующее: социально-нравственный характер темы и особенности ее поэтического воплощения; драматизм сюжета; сатирическая заостренность концовки; своеобразие лирического «я». Как создается интонационная выразительность стихотворения?

Предложенные направления не являются обязательными, вы можете выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Николай Добролюбов

Когда, среди зимы холодной,
Лишенный средств, почти без сил,
Больной, озябший и голодный,
Я пышный город проходил;

Когда чуть не был я задавлен
Четверкой кровных рысаков
И был на улице оставлен
Для назидания глупцов;

Когда, оправясь, весь разбитый,
Присел я где-то на крыльцо,
А в уши ветер дул сердито
И мокрый снег мне бил в лицо, -

О, сколько вырвалось проклятий.
Какая бешеная злость
Во мне кипела против братьев,
Которым счастливо жилось

Средь этой роскоши безумной
И для которых - брата стон
Веселым бегом жизни шумной
И звоном денег заглушен.

...Но пронеслись несчастий годы,
И, гордо мчась по мостовой,
Я рад теперь, коль пешехода
Кнутом заденет кучер мой.

1856

Вариант 2. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ автобиографического рассказа **Е.И. Носова «Подпасок»**, обратив внимание на следующие аспекты: повествовательно-событийный план; мир русской деревни; образы героев; средства художественной выразительности; авторская позиция; речевая характеристика героев.

Е. Носов. Подпасок

Жаркий августовский полдень. Выжженный, порыжелый на буграх выгон залит недвижным, дремотным зноем. Дрожит, зыбится горячий воздух, и снуют в нем медным, зудящим гулом остервенелые оводы. Подпасок Митька в глубоко надвинутом картузе, так что доньшко выперло острой макушкой, сидит на бугре, на солнцепеке. На плечах внапашку старая ватная стеганка, под ней спрятана от солнца сумка с едой. По бугру длинной серой змеей распластался кнут, тяжелый, грубо свитый из прорезиненных обрезков. Кнут не его — деда Сереги. Дед уже неделю как хворает, говорит, «перепекся али воды попил как неловко», и Митька попросил у него кнут в знак своего теперешнего старшинства и единовластия.— Бери, бери,— прошамкал дед, мелко дрожа каждым волоском сивой клокастой бороды.— Вон он, под сараем на перемете висит... И бабку мою бери... себе в подпаски... чтоб трудодни зазря не пропадали... А я тем делом, может, от хворобы опростаюсь. Недвижно висит жидкое, оплавленное солнце в белесом небе, лениво течет скупое на бег пастушье время. Еще только полдень, а уж намаялся со скотиной Митька, ног под собой не чувствует. В нынешнем году никак не держат бестравные луга стада. Из всех мест эти болотца самые спокойные. Вода да зелень осок надолго приманивают скотину. Он и так ведет стадо осмотрительно, расчетливо, больше низами — по торфяникам да по лознякам: все укормистее, чем по суходолу.

«Оно, конечно,— размышляет Митька,— хорошо бы теперь свежей резки подвести. Да где там! Нынче опять упустили кукурузу. Сорняк забил». Вот и гоняет Митька скотину, изловчается, как может, день — так, день — этак, день по солнцу, а назавтра — против. Больше на этой круговине ничего и не придумаешь. А если по совести, то один леший — что по солнцу, что против: мается от бестравия скотина.

Поглядит из-под картуза Митька, не балуют ли коровы, на бабку на дальнем бугре по ту сторону стада — стоит бабка, подперев клюкой подбородок, сухоногая, в белой, низко спущенной косынке, издали похожая на черногузку; переведет взгляд на сосняк, окаймляющий выгон, даже отсюда душный и неприятный своей жаркой сухостью, потом на курган с плоской макушкой, соломи-сто-желтый от выжженной травы на склонах,— и опять устремляет глаза в землю. Сколько раз за лето глядел-переглядел и на курган и на лес, так что теперь они вроде пустого места. А окромя и глянуть не на что. Разве на самолет лениво вскинет голову Митька, день за днем об эту пору пролетающий над выгоном. Высоко-высоко над всем этим маревом прохладно проблестит с натуженным гулом серебряный крестик и опять истает в полинялом небе — загадочный и, как звезда, далекий от Митькиных забот и жизни.

А проводив самолет, долго ковыряет ногтем бесчисленные занозы от татарника в своих задубелых ногах или глядит, как, упоенная зноем, стрекочет на кнуте серая кобылка. От этого жаркого стрекота Митьке еще больше хочется пить, но он притерпелся и лишь облизывает корявые, в белых ошметках, заветренные губы. Ждет, пока скотина вволю налазается по осокам.

Через четверть часа коровы, истоптав вдоль и поперек болотце, обглодав корявые, уже не раз обглоданные лозняки, начинают разбредаться, и Митька расслабленно поднимается, нетерпеливо идет впереди стада, волоча за собой длинный, пыльно змеящийся кнут. Вслед за ним с дальнего косогора молчаливо, как тень, снимается бабка.

К обеду Митька наконец выгоняет стадо к реке, на дойку. Доярок еще не видать. Коровы забредают поглубже, пряча брюхо от оводов, долго и пристально тянут теплую на песках воду. Митька, сбросив ватник и зайдя выше коров, тоже лезет в реку прямо в незакатанных штанах, зачерпывает картузом, пьет, а остаток выплескивает себе в лицо, за пазуху. Потом выбирает кручку повыше, садится, свесив ноги с обрыва.

Побединцы пригнали к реке свое стадо раньше. Двое старых пастухов уже храпят под ракитой, пастушата на песке режутся в карты. Одного, рыжего, Митька знает — это Карпуха, остальных двух не разобрать. Хохочут, макают друг друга за чубы в песок — в дурачки играют.

Митька с завистью глядит на реку. Весело там! И все в этой «Победе» получше ихнего. Что скот взять. Кинул Митька наметанным глазом — побединское стадо раза в три больше, скотина справная. И

заводу хорошего — почти сплошь черно-рябая. Вдалеке за лугом, под самыми дворами два бруска белеют — новые коровники. А за деревней среди желтого жнивья еще три красных бруска — то уже побединские свинарники. Из кирпича набузовали, один в один. И деревня у них справная. Промеж зелени белеет черепица на крышах, а то и цинком есть покрытые. Вон блестит под солнцем, точно зеркалом выстлано. Это клуб. Радио слышно. Если бы не трактор, всю до слова песню разобрать можно.

Поискал Митька трактор, нашел: кукурузный силос возле фермы буртуют. Упрямым черным жуком ползет на крутую сизо-зеленую кукурузную гору, надрывно ревет мотором, а одолев, стихает довольно и сваливается за другой склон. И опять радио слышно, поет что-то веселое... Живут люди! Прямо на лугу «елочку» поставили. Митька, правда, сам не видел, только слышал, как она жужжит утром да вечером, но дед Серега ходил, смотрел: занятная, говорит, штука, коровы так и отскакивают. И дояркам, понятное дело, облегчение. Их, окромя того, еще и на машинах возят,— как солдат, в кузове.

Скосил Митька глаза на свою Покатиловку — скука смертная, а не деревня. Как есть вся под соломой. Коровник и тот камышом крытый. Только в одном месте, у ставка, кучерявятся ракитки, а так все голо, перед хатами рыжая ботва картошки да черные кучки торфа понизу. Да еще черное тырло на отшибе, а посреди черного два пестрых пятна — две заболевшие коровы.

Даже луг у побединцев кажется Митьке лучше, зеленее. Может, оттого, что ракиты по берегу тень бросают. Только дед Серега говорил, что они его весной чем-то посыпали. Может, и от этого.

Тем временем пастушата побросали карты, сели обедать. Из костерка выгребли печеные яйца, вытрясли из сумок помидоры, лепешки. Поевши, Карпуха выкопал из сырого песка под ракитой два огромных арбуза, ополоснул их в реке и, весь перегнувшись, потащил их в подоле рубахи товарищам. Разрезал арбуз на животе, поддел крышку — даже отсюда видно, что спелый.

«Ишь, жируют, черти мордастые,— незлобно подумал Митька,— на бахче натибрили». И сам тоже полез в сумку. Достал кусок мелко нарезанного старого сала, ломоть хлеба, два огурца, стал жевать безо всякой охоты.

На той стороне показывается грузовик, с верхом заваленный свежей кукурузной резкой. Выруливает к берегу, медленно петляет между ракитами. Две бабы, поочередно поддевая вилами, сбрасывают резку на землю. Стадо поднялось с песков, бредет следом. Повяло мучниным, теплым кукурузным духом.

Митькины коровы тоже обеспокоились, подскочили. Тянут морды, нюхают воздух. И не успел Митька сообразить, как валом полезли в воду. Митька забежал наперед по мелкому, яростно полоснул перед мордами кнутом, завернул стадо. А с другого края, с самого обрыва, плюхнулась и поплыла на ту сторону черноухая первотелка. Переплыла, отряхнулась на песке и побежала, нетерпеливо мыча, к машине.

— Не могли в другом месте посыпать! — сердито проворчал Митька.

И, сложив ладони, крикнул:

— Карпуха-а! А Карпуха! Пужани корову! Корова переплыла-а!

Карпуха задержал у рта большой ломоть арбуза, прислушался...

— Чего?!

— Корова переплыла!

Карпуха лениво перевалился на другой бок, с шумом выплюнул в воду струю арбузных семечек, крикнул ехидно:

— Спи больше!

— Да не спал я!.. Увидела машину и переплыла...

Карпуха опрокинулся на спину, замотал ногами:

— Ой, умора! Увидела машину... Ну, смехота!

— Пужани, Карпук! — просительно крикнул Митька, глотая насмешку.— Чего тебе стоит?

— Нам ничего не стоит. Нехай побудет у нас. На курорте. Харч подходящий.

Пастушата дружно захохотали.

— Да мы что, не кормим, что ли? — обиделся за коров Митька.

— Оно и видно! Могу отсюда ребра пересчитать...

— У нас, может, побольше вашего кукурузы,— не очень смело соврал Митька.

Уж слишком обидно ему было слышать ядовитые Карпухины слова.

Карпуха опять запрокинулся на спину, загорланил нараспев:

У меня есть сапоги,
Берегу их к лету...
А по правде вам сказать —
У меня их нету.

Пастушата опять угодливо расхохотались, а Митька замолчал и долго с колючей горечью в горле смотрел на равнодушно бегущую воду.

— Эй, «Светлый путь»! Держи за свою корову! — Карпуха швырнул через реку недоеденные пол-арбуза. — Больше она не стоит.

Половинка шлепнулась в реку, напугав какую-то рыбью мелочь.

— Наворовали арбузов, а теперь расшвыриваете? — крикнул Митька, чтобы тоже сказать что-нибудь в отместку.

— А ты что за указчик? Ты в своем колхозе указывай, а на чужой берег носа не суй. Откусим. Мне председатель сам говорил: «Ежели надо — бери, сколько хочешь, не стесняйся». Понял?

Митька никак не мог поверить, чтобы ихний Трошин так-таки за мое почтение разрешил Карпухе шастать по бахче.

— Врешь все! — крикнул он.

— А хоть бы и наворовали! Это все едино! У себя воруют, не у вас, — задористо, с гордецей отбрехнулся Карпуха, — У нас этих арбузов — завались. Нам арбузы нипочем, мы миллионами ворочаем. Понял?

— Понял, — язвительно проговорил Митька, но кричать через реку ничего не стал: что зря с дуrolомом разговаривать?

— А ты рад бы украсть, — не унимался Карпуха, — да у вас нечего.

— А мне и не надо, — сам себе отвечал Митька. — Чем хвастается! Услыхал бы Трошин...

— Ага, заело? — Карпуха заложил два пальца в рот и засвистел. — Замолчал? Все вы там голопупые! В нашем сельпо селедку полопали!

Митька в бессильной обиде за своих односельчан облизал сухие губы, крепко сжав кнутовище.

Насчет селедки — по весне раз было. Ходили в ихнее сельпо. Потому как в покатиловский магазин ничего не завозили — дороги не было. Запомнил, гад! Только не ему, мордастому, говорить это... Тоже работник объявился! За чужими руками да ногами. Побегал бы он с Митькино. Им что! Вон засыпали резку — и часа два хоть в карты дуй, хоть под кустом дрыхни. Да и сам Карпуха не больно-то разгонится. Все норовит вместо себя ребятишек послать. Зануда малый! На той неделе рыбу глушил, мешок судаков выгреб. Все мало ему, куркулю рыжему.

— Ну, ладно тебе трепаться! — крикнул он, сдерживаясь. — Гони корову! Тебе — шалды-балды, а мне — скоро доярки подойдут, доить надо.

— Молоко — это уже дудки! Молоко — наше. Кукурузу жрет? Жрет! Смотри, как уминает! Значит, давай сюда молоко. А как же? По совести!

— Только тронь корову! — хмуро крикнул Митька.

— «Тронь», да? На спор? — Карпуха вызывающе осклабился.

— А вот попробуй...

— Ну, поглядим, поглядим... — И, обернувшись, крикнул пастушонку: — Степка, дуй за ведром.

Митька, закипая холодной, удушливой яростью, бледнея лицом, дрожащими пальцами расстегнул ремень штанов, стащил рубаху и, забыв о картузе, неожиданно нырнул с обрыва. Выплыл он на середке на мелком и, подбивая воду коленками, сразу пошел на ту сторону. Пятнадцатиметровый крученный кнут, пуская по воде усы, живой зловещей змеей волочился сзади.

— Ребята, не бойтесь, — рыкнул Карпуха, вскакивая с песка. — Пусть сунется...

Но Митька, бугаем нагнув голову и глядя на побе-динцев сужившимися глазами из-под обвисшего, мокрого картуза, не убавил шагу. Его гнала, подталкивала нестерпимая, гневом заклокотавшая обида и за себя, и за своих коров, и за «голопупых» покатиловцев, за «слопанную» селедку, за это сытое, самодовольное глумление, — будто и впрямь был виноват Карпуха во всех тех бедах и прорехах голой, соломенной Покатиловки.

У берега Митька приостановился, подождал, пока течение вытянет кнут, чтобы можно было в любую минуту поднять его в воздух.

Страшная эта штука — пастуший кнут! Похлестче дробового ружья. Полоснет вокруг ног, обожжет, свалит на землю...

Карпуха растерянно попятился.

— Ну гад, подступись! — сказал Митька решительно и угрюмо, выходя на берег. И, не глядя больше на Карпуху, по берегу же, держа кнутовище в вытянутой назад руке, голым ошестиненным бесом пошел к корове.

Притихшие пастушата видели, как Митька обвязывал кнутом рога первотелки, подтянул ее к воде и там толкнул в зад обеими руками.

В тени, под ракитой, проснулись старые пастухи — Иван и дед Коля, заспанные, крутят сигарки.

Митька, все еще не остывший от обиды, хотел было пройти мимо, но дед Коля закивал взлохмаченной головой, подзывая:

— Иди, милоч, покурим!

Митька, подумав, подошел в чем был, голый, в мокром картузе.

— Опять поцапались, петухи? — сказал дед Коля, протягивая Митьке черной, костлявой рукой кисет, сытно пахнущий махоркой с донником.

Митька помолчал, не стал жаловаться.

— А чтой-то, гляжу, деда Сереги твоего не видать?

— Не вышел нынче, — Митька крутил сигарку, просыпая желтую крупитчатую махорку на мокрые коленки, — слег дед.

— Скажи ж ты! Ай-яй! — горько зажмурился дед Коля. — Не выдержал, стало быть. Сморился... Известное дело! По таким-то лугам, как ноне... Один, выходит, справляешься?

— С бабкой.

— Бяда! Чистая бяда!

Попыхтели сигарками, оглядели друг у друга кнуты. У побединцев ременные, обхлестанные о траву до блеска. Сухие, легкие кнуты, с желтыми латунными колечками.

— Слышь, а вашего Сорокина опять в районной газете пропесочили, — сказал Иван, насмешливо глядя на Митьку единственным глазом. — Не читал? Могу дать почитать. За брехню. Поглядишь, — с виду птица: гимнастерка с карманами, ремень офицерский на пузе, сапоги начищенные, — а выходит, брехун. Потеха!

— Не в ремнях краса, — сказал дед Коля. — Вот наш Трошин... Ни с заду, ни с фасаду... При нем только жилы. Да еще совесть...

— А что, Митька, — опять начал Иван, — все к тому склоняется, что присоединят к нам вашу Покатиловку.

Митька молчал, тоскливо посмотрел за реку, на свои луга.

— Пойдешь к нам в подпаски? — усмехнулся Иван.

— Ну чего липнешь к мальчонку? — перебил его дед Коля. — Нехорошо это... Разве он виноват? Он, может, больше ихнего Сорокина за колхоз думает...

— Ну, я пошел, — сказал Митька. — Доить скоро...

— Иди, иди, — закивал старик. — Как же это дед-то Серега? Ведь мы с ним, почитай, с самого начала колхозов в этих лугах...

Митька вошел в воду. Мелкая рябь бессильно теребила утонувшее одинокое облако. Митька поправил картуз и, поднырнув под облако, скорыми саженками поплыл к своему берегу.

Задание №2, творческое (20 баллов)

Согласно указу Президента Российской Федерации 2019 год объявлен Годом Театра. В связи с этим следующий блок заданий – театральный.

1) Назовите автора и произведение (2 балла)

Первая в истории русской драматургии реалистическая, или бытовая пьеса. За год до премьеры автор испытывал произведение на домашних чтениях. Поставить пьесу намеревались и в Петербурге, и в Москве. Московская цензура рисковать не стала.

Премьера прошла в 1782 году в Вольном российском театре Петербурга. Это произведение пережило множество любительских постановок. В спектакле Нежинской гимназии одну из женских ролей играл Н.В. Гоголь. В 1783 году вышло первое печатное издание пьесы, а спустя пять лет её автор пытался выпускать собственный сатирический журнал с говорящим названием — по имени самого рассудительного героя. Журнал запретила императрица.

2) Укажите жанр произведения (1 балл)

3) Укажите имя персонажа в сцене из спектакля (2 балла)

4) Каким героям принадлежат цитаты из пьесы (по 1 баллу)

А) «Золотой болван — всё болван».

Б) «Не хочу учиться, а хочу жениться».

В) «Как наружность нас ослепляет».

Г) «Прямое достоинство в человеке есть его душа».

Д) « Без наук люди живут и жили».

Е) «Суженого конем не объедешь, душенька!»

5) По поводу какого героя эта цитата критика А. Пятковского?

"...Воспитание или, лучше сказать, одно питание..., исключительные заботы матери о том, чтобы сынок ее кушал как можно больше и учился как можно меньше - все это почерпнуто прямо из русских нравов XVIII-го столетия и подтверждается десятками указаний в сатирических журналах, мемуарах и комедиях того времени" (2 балла).

6) Напишите анонс (театральное объявление) на современный спектакль по произведению данного автора, касающийся пьесы и лиц, в ней участвующих (5 баллов).

Учитывается логика и речевое оформление анонса (2 балла)

Для справки.

Анонс (фр. *annonce* — публичное оповещение) — предварительное оповещение о каком-либо событии (концерте, спектакле, показе кинофильма). Может быть в виде афиши, статьи в СМИ или объявления по телевидению или радио. Наряду с собственно объявлением о событии в анонсе обычно упоминаются основные сведения о событии.

Структура анонса:

- сообщение о точной дате и времени;

- сообщение о точном месте;

- краткое изложение сути события;

- предположение об аудитории данного события;

- название телеканала, на котором будет вещание (если это телеанонс).